

Макс Фрай
Александр Шуйский

ВСЕ

Продумать при написании
и при чтении

О МИРЕ

ЕЩЕ

и немного больше

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ф82

Дизайн макета В.Половцев

Дизайн обложки А.Ферез, Е.Климова

Фрай, Макс

Ф82 Все о мире Ехо и немного больше. Чашка Фрая / Макс Фрай, Александр Шуйский. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 352 с. — (Макс Фрай: подарочное издание).

ISBN 978-5-17-110854-0

Эта книга — проект искусствоведа, художника и писателя Александра Шуйского. Она представляет собой 33 интервью с Максом Фраем, сделанные на протяжении трех лет. Вопросы задавал не только автор, но и читатели книг Макса Фрая и блога Александра Шуйского; благодаря им, разговор вышел за рамки диалога.

Формально каждая глава посвящена одной книге, фактически — всему на свете и некоторым другим интересным вещам.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-110854-0

© Макс Фрай, текст
© А. Шуйский, текст
© ООО «Издательство АСТ», 2018

О том, как появилась эта книга.

Она возникла из двух вещей: из разговоров и «подвешенных» книг в магазине электронных книг.

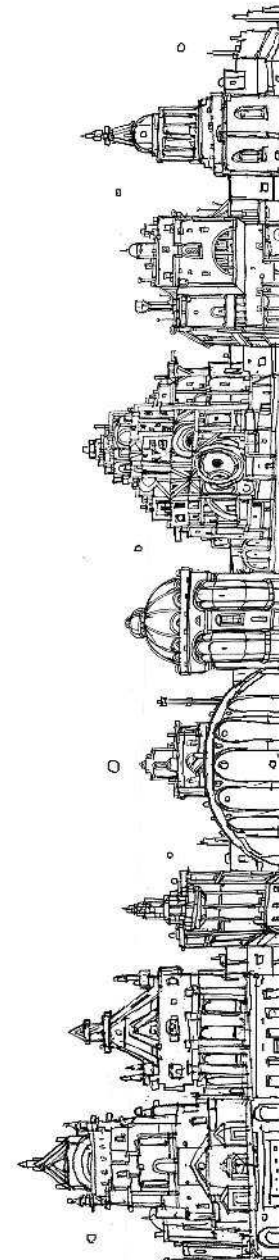
Что такое «подвешенная» книга?

На сайте электронных книг Макса Фрая есть страница, которая называется «чашка Фрая»*. Любой человек может зайти на сайт и оплатить одну или несколько электронных книг — чтобы кто-то другой, у кого нет денег или возможности платить онлайн, мог унести с сайта книжку из списка «чашки». По этому же принципу в некоторых кафе «подвешивается» чашка кофе — чтобы ее выпил кто-нибудь еще, кто угодно, зашедший с улицы.

О каждой из этих книг можно было бы отлично поговорить, подумал я, когда первый раз смотрел раздел «чашка Фрая». А потом подумал: а почему бы и нет.

Тогда я написал названия всех книг списка «чашки» на полосках бумаги, а полоски положил в шляпу. Их оказалось тридцать три («Энциклопедию мифов» и

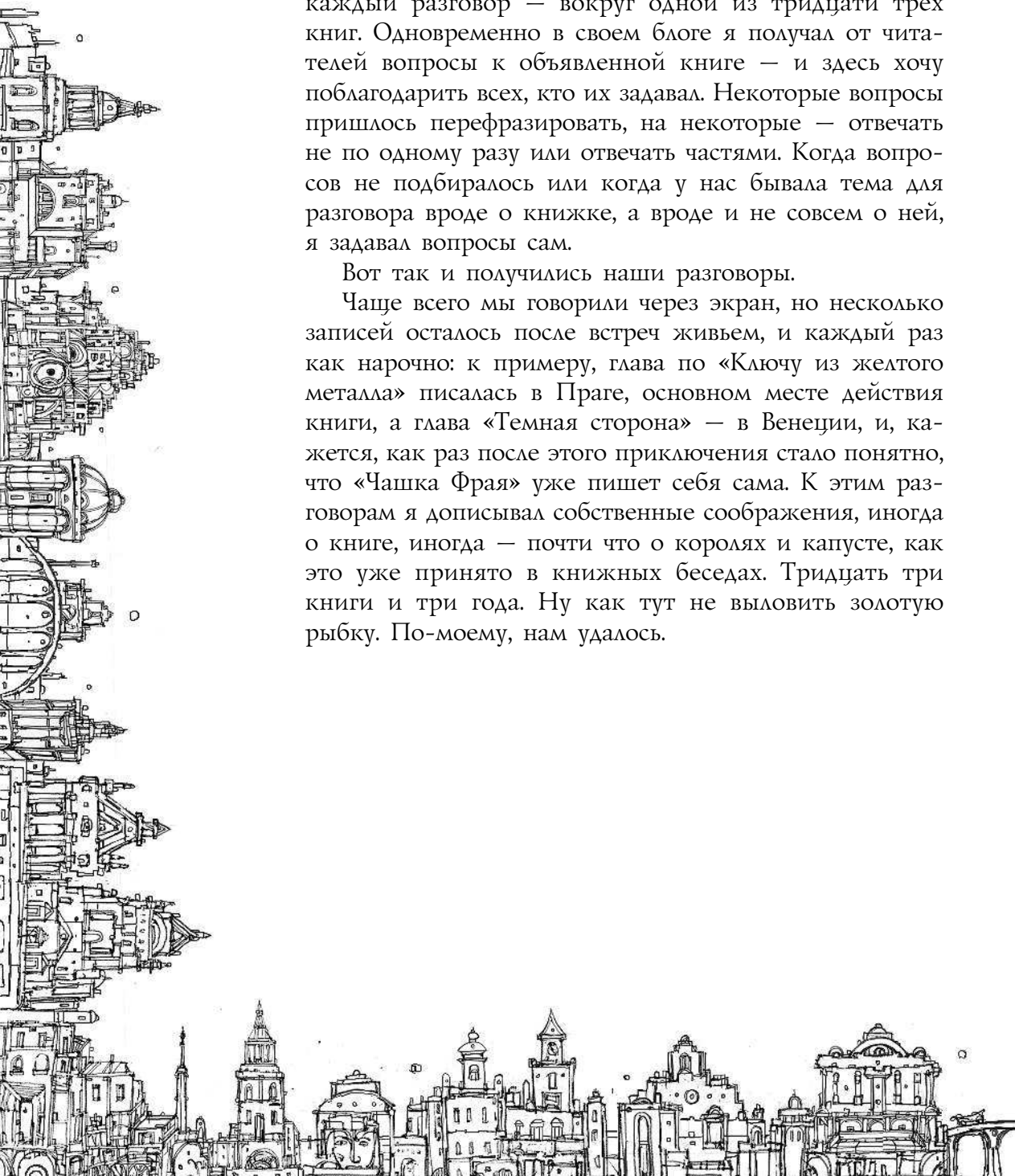
*Примечание МФ: «Чашка Фрая» появилась у нас благодаря подсказке читательницы Марины Поляковой, спасибо ей за эту идею.

«Первую и Вторую линии» я беру вместе, потому что было бы смешно сначала рассказывать о втором томе, а потом, полгода спустя, о первом). И в течение трех лет время от времени мы с автором вели разговоры, каждый разговор — вокруг одной из тридцати трех книг. Одновременно в своем блоге я получал от читателей вопросы к объявленной книге — и здесь хочу поблагодарить всех, кто их задавал. Некоторые вопросы пришлось перефразировать, на некоторые — отвечать не по одному разу или отвечать частями. Когда вопросов не подбиралось или когда у нас бывала тема для разговора вроде о книжке, а вроде и не совсем о ней, я задавал вопросы сам.

Вот так и получились наши разговоры.

Чаще всего мы говорили через экран, но несколько записей осталось после встреч живьем, и каждый раз как нарочно: к примеру, глава по «Ключу из желтого металла» писалась в Праге, основном месте действия книги, а глава «Темная сторона» — в Венеции, и, кажется, как раз после этого приключения стало понятно, что «Чашка Фрая» уже пишет себя сама. К этим разговорам я дописывал собственные соображения, иногда о книге, иногда — почти что о королях и капусте, как это уже принято в книжных беседах. Тридцать три книги и три года. Ну как тут не выловить золотую рыбку. По-моему, нам удалось.

Чашка первая

«Горе господина Гро»

Я не буду говорить о всей книжке, а только о двух центральных парах, двух родителях, очень разных во всем и очень похожих в одном: они оба сделали своих детей не по любви.

Один — в бесконечном нарциссизме, а второй — в бесконечном горе.

То и другое у нормальных людей объединяет непрожитая травма, и, в общем, как все нормальные люди, ни Хумха, ни Габа не смогли с нею справиться самостоятельно. Хумха Йох — чуть ли не образец родителя-нарцисса, но его нарциссический склад личности проявился, как я понимаю, задолго до рождения сына. Габа Гро, лекарь, потерявший любимую жену, — человек, настолько далекий от эгоизма, насколько возможно, — превращается в нарцисса, слепого, глухого, ничего не желающего знать об истинном положении дел, — когда позволяет своему горю занять все имеющееся пространство.

Про Хумху можно сказать, что он позволяет то же самое своему безумию. И, по-моему, это для колдуна совершенно равно горю.

Что делает горе? Оно ищет кого-то, кто взял бы на ручки. И родитель-нарцисс (оба родителя в этой кни-

ге) «создает» себе ребенка, предполагая (в слепоте горя или безумия, а в обычном человеческом случае — просто травмы), что они с этим ребенком будут чем-то вроде сферического коня в вакууме — никаких вмешательств извне, никаких влияний, никаких действий наружу. Родитель создаст ребенка, тот будет его вечным утешением. Он никуда от родителя не денется — внешнего мира не существует, куда ему деваться.

Казалось бы, если так сильно болит, что тебе нужно постоянное болеутоляющее — попробуй вылечить. Обратись к кому-то.

Но, во-первых, внешнего мира не существует, во-вторых — он враждебен.

И будь ты детский врач или один из самых могущественных колдунов Мира — исход один и тот же, сидеть тебе в своем горе или безумии, пока не умрешь или не случится что-то, что выбьет тебя из кокона.

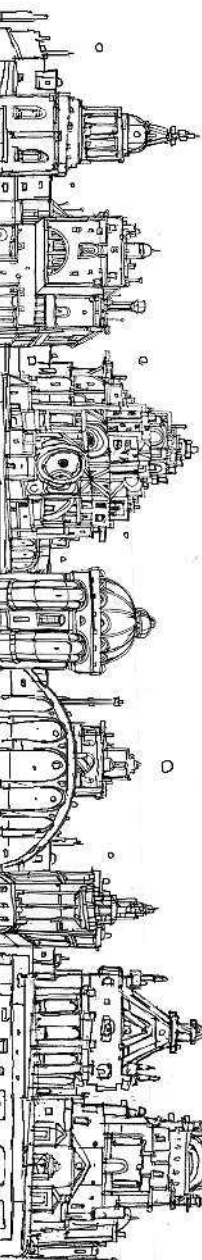
(В случае с Хумхой даже смерть не очень-то повлияла.)

И вот, в бесконечном своем горестном одиночестве, родитель делает себе ребенка. Чтобы взял на ручки. Чтобы утешал. Чтобы быть не одному в этом коконе горя или безумия.

А ребенок, эгоистичная и своевольная тварь, прежде всего хочет на ручки сам. Особенно, пока мал. Да и вырастая, тоже как-то сохраняет собственные желания.

И что делает Габа? (Который в испытывании горя оказался колдун покруче, чем даже Хумха, того на такой абсолют все-таки не хватило, локальный и страшный талант у человека.) Он делает дитя, которое никогда не вырастет, не подвержено влиянию внешнего мира почти совсем и которое ничего не хочет. Кроме одного — чтобы кто-то взял на ручки ее саму.

А выпущенное на свет горе немедленно начинает занимать все отведенное ему пространство, то есть столько, сколько может. Никаких ограничений на него Габа не наложил. Все, что ему было нужно — чтобы

полегчало и не возвращалось больше. Он остается слеп и глух к тому, что замечает уже весь город, и, скорее всего, если бы не вмешательство Джуффина, так бы и остался слеп и глух.

Он порождает на свет ущербное существо с единственной функцией: возьми меня на ручки. Так, как делают все травмированные родители. После чего это существо отправляется на поиски того, кто взял бы на ручки его. А поскольку в окружении таких не находится, порождает свое. А то — свое. Так появляются травмы. Жуткая штука на самом деле.

Кофе, сыну Хумхи, повезло в том, что, во-первых, был все-таки человек, а во-вторых — быстро сбежал. Если бы его папе пришла в голову идея слепить себе сына-голема, еще неизвестно, чем бы дело кончилось.

Но все схожие признаки налицо. Информация из внешнего мира не поступает или поступает в искаженном виде (его причитания по поводу карьеры и занятий сына), масса усилий тратится на то, чтобы устранить из общего с ребенком пространства как можно больше народу (будь его воля, Хумха бы всех разогнал, другое дело, что у призраков не так велики возможности, но припомните-ка, какими словами описывает любая мама-нарцисс подруг или приятелей своего ребенка, если ей хоть на минуту кажется, что они ребенку ценнее, чем она сама).

И никакая личная сила не спасает.

Вот так выглядит ад в чистом виде, ничем не контролируемый и не сдерживаемый — бери на ручки, дрянь, и заткнись.

И он тоже занимает все отведенное ему пространство, если ничего не делать.

Ну и на сладкое, то, что меня страшно развеселило в свое время — каждая книжка цикла все-таки игра, хоть и очень всерьез, и в каждой есть чисто иг-

ровые перевертыши. Вы никогда не задумывались, кто такой Абилат Парас, лучший лекарь всех времен и народов?

Айболит Парацельс.

А теперь вопросы к Макс Фраю.

Вопрос читателя: Мне бы хотелось узнать, почему Коба. Вот просто — почему он такой, явный диктатор, существует в книгах любимого мною автора, очень бережно относящегося к жизни. Но автор неоднократно говорил, что он вообще-то писатель-документалист, вообще ничего не придумывает — так что примем за рабочую гипотезу, что настоящий диктатор существует в Ехо, неплохо себя чувствует и дружит с королем. Это меня несколько смущает, но это тоже не вопрос. Нельзя же спрашивать: «А вот меня тут смущает — что мне с этим делать?»

М.Ф.: На самом деле формулировка: «А вот меня тут смущает — что мне с этим делать?» — практически идеальная. Потому что, да, совершенно верно, проблема всегда с нами, с нашим восприятием, с нашими интерпретациями. А не с кем-то (чем-то) снаружи, которое просто есть — вот такое, какое есть.

Идеальный ответ на этот идеальный вопрос — жить с этим. Это вообще нормально для человека — жить с противоречиями, неувязками, тем, что не укладывается в голове, бесит и обманывает ожидания. Мы на этих тренажерах накачиваем себе красивые сознания с рельефными мышцами духа. Ну или зарабатываем грыжи. Кто как. Это, собственно, и есть жизнь сознания, угасания которого так боится почти все человечество, включая истово верующих. Хотя бы поэтому имеет смысл наслаждаться всеми камнями, которые лежат у нас на душе, косвенно доказывая ее (души) существование.

...Что же касается Кобы.

Вообще-то, диктаторы как таковые кажутся мне скорее трагическими фигурами, чем «нехорошими бьяками». На месте диктатора мне всегда видится вполне заурядный человек, попавший в капкан власти и безнаказанности — ну и понеслась душа в ад. Или еще куда подальше. В школе, классе, кажется, во втором или третьем, учительница дала нескольким отличникам проверять тетрадки с домашним заданием остальных учеников. И я очень хорошо помню, как мы дружно исчеркали все красными карандашами и понаставили двоек там, где работа была сделана на четверку. С тех пор я довольно много знаю о природе диктатуры и бесконечно радуюсь, что большей власти мне никто никогда не предлагал.

Впрочем, допускаю, что некоторые диктаторы и тираны так прям и рождаются нечеловеческими исчадиями ада с выпученными от злобы глазами и сотонинским клеймом во лбу. Но все равно их злодейское величие меркнет перед ежедневным подвигом так называемых простых людей, строчащих анонимки на соседей по коммуналке ради возможного освобождения комнаты, аккуратно подвергающих подследственных пыткам в рабочее время с перерывом на обед и так далее. Тирания всегда опирается на массовую подлость в гораздо большей степени, чем на личность тирана. Строго говоря, только на нее. В обществе, где все люди не способны вести себя подло, пресловутая диктатура/тирания станет всего лишь одним из способов управления государством, со своими достоинствами и недостатками. Лично мне такой способ управления не нравится — ну так мне вообще ничего из придуманного людьми не нравится, кроме анархии, до которой уважаемое человечество пока, увы, не доросло.

В общем, лично меня тайное родство Кобы с каким бы то ни было тираном, если что, совершенно не шокировало бы. Потому, хотя бы, что мы с вами понятия не имеем, чем сейчас занят тайный, неизреченный и немислимый двойник читателя, задавшего вопрос. Не факт, что у автора вопроса такой двойник непременно есть, но он вполне может быть. Никогда

заранее не знаешь, в каком измерении у тебя тайный близнец внезапно отрос! И этот самый двойник автора письма вполне может вот прямо сейчас пожирать живьем беззащитных невинных геологов, забравшихся в какое-нибудь запретное под-земелье под Третьей Горой Ихилосс, на Седьмом Арль-пути, в Гийярде. Например.

Мы не ответственны за поведение своих тайных неизреченных двойников, о которых и вспоминаем-то только в некоторых снах и забываем задолго до пробуждения, вот что я хочу сказать.

Вопрос читателя: Макс затащил Кофу в другой мир, соответственно, Кофа получил возможность путешествовать по мирам, видеть сны и уходить на Темную сторону. Но Джуффин как-то говорил, что на таком вот «человеке Мира» держался Тайный Сыск, что он — что-то вроде опоры Сыска.

И как они теперь без опоры? (Понятное дело, что справятся, это Тайный Сыск, для них все возможно, но все же как?)

М.Ф.: Ну, ровно так же, как сегодня справляется без таблеток от запора человек, который по рекомендации врача принимал их курс восемь (например) лет назад и благополучно вылез. Как справляется без материнского молока пятнадцатилетний подросток. Как справляется без присмотра воспитательницы детского сада сорокалетняя мать семейства.

Я хочу сказать, все меняется. Любая живая система нестабильна. Правила, которые работали вчера, будут только мешать и связывать по рукам и ногам сегодня. Изменения — это не из ряда вон выходящее событие, это нормально, это просто жизнь.

Вопрос читателя: Как сэр Кофа смог попасть на посиделки в «Кофейную гущу»? Насколько я помню, он единственный из всей команды, кто не мог гулять по Темной стороне, ибо он человек иной природы, более «земной», скажем так. Как ему удалось преодолеть себя?

М.Ф.: На основании всего, что Кофа успел рассказать о себе, я, честно говоря, подозреваю, что Кофина «земная природа», т.е. почти полная неспособность к Истинной магии — следствие ворожбы его заботливого отца. А на любое колдовство найдется способ его отменить.

Кроме всего, не следует упускать из вида, что в этой истории замешан сэр Макс, а он — такой специальный полезный хитровыкрученный ноль, который может прийти к любому нормальному солидному числу и как-то почти нечаянно его на себя поделить. И делятся как миленькие, и результат всегда один — бесконечность (возможностей).

Чашка вторая

«Одна и та же книга»

О снах, жизни и литературе

В этот раз я хочу поговорить о литературе, осознанном сновидении и — повседневной жизни.

Итак, одна и та же книга.

И начну я прямо с того же, с чего начинается сборник.

Жизнь и сновидения — страницы одной и той же книги.

Шопенгауэр

(Здесь, как в той самой шутке про «чтобы тайна, секс и монаршая особа» присутствуют все три составляющие разговора: книга, жизнь и сновидения.)

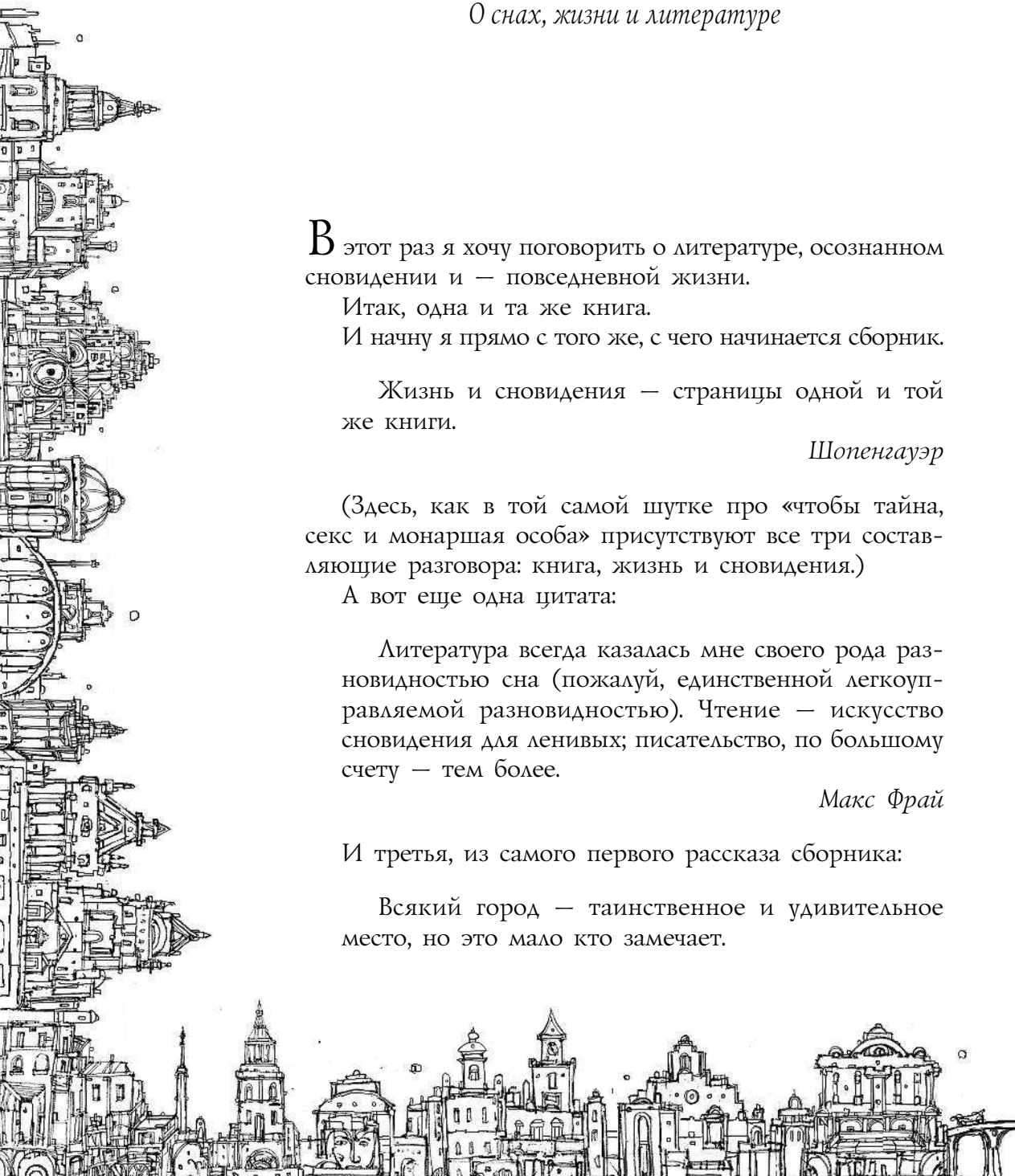
А вот еще одна цитата:

Литература всегда казалась мне своего рода разновидностью сна (пожалуй, единственной легкоуправляемой разновидностью). Чтение — искусство сновидения для ленивых; писательство, по большому счету — тем более.

Макс Фрай

И третья, из самого первого рассказа сборника:

Всякий город — таинственное и удивительное место, но это мало кто замечает.

Если вооружиться всеми тремя, то самое интересное начинается, если подставить в третью вместо слова «город» последовательно «сон», «книга» или «жизнь».

Причем правдивость никак не пострадает.

Смотрите:

Всякий сон — таинственное и удивительное место, но это мало кто замечает.

Всякая книга — таинственное и удивительное место, но это мало кто замечает.

Всякая жизнь — таинственное и удивительное место, но это мало кто замечает.

Правда, в каждом из трех вариантов слушатели, скорее всего, будут оспаривать разное. В первом случае — будут спорить с «мало кто замечает», во втором — со словом «всякая»: есть книги интересные и не очень, — а в третьем, я думаю, пожмут плечами и скажут «может быть, чья-то, но не моя».

А теперь я скажу очевидное, но иногда нужно говорить и очевидное.

Практически все книги Макса Фрая — это пособие по овладению осознанным сновидением и превращению повседневной реальности в таковое. То есть превращению «не таинственного и не удивительного» и «чужого» — в мало того, что таинственное и удивительное, но, и это самое важное, — в свое.

Причем рецепты повторяются из книги в книгу, из рассказа в рассказ: приведи в порядок свои сны, будет проще с жизнью. Хочешь что-то поменять — съешь или выпей что-нибудь, это, конечно, принцип Алисы, но ведь «Вниз по кроличьей норе» — это именно рассказанный сон.

И вот более точная инструкция: хочешь поменять не просто что-то, а с одного конкретного на другое конкретное — заведи ритуал.

И описанных ритуалов на перемены — более чем достаточно, практически на все случаи жизни.

